

Весенний ветер

Мэн Хэцзэ, сжимая в руке стебель лотоса, уже собирался повернуть назад, как вдруг чья-то рука, подобно острому мечу, метнулась к его ладони. Со всех сторон, сметая всё на своём пути, к нему устремились другие практики, их целью был тот самый лист лотоса, что он держал.

«Что за наваждение? — изумился Мэн Хэцзэ. — Озеро полно лотосов, под ними тонны ила, так почему вы все набросились на мой?»

Он вспомнил, как эти же люди насмеялись над ним, учеником внешней школы, и решил, что они просто издеваются над ним. Гнев вспыхнул в его груди, он вложил всю свою духовную энергию в движение, и его фигура превратилась в размытый силуэт, оставляя за собой лишь остаточные образы.

Вода на озере забурлила, словно от штормового ветра, и свежие лотосы гнулись под невидимым напором.

Остальные ощутили лишь порыв ветра, а ученик, схвативший лотос, уже оказался в другом месте. В пылу погони некоторые не успевали вовремя остановиться и с размаху врезались друг в друга, с громким плеском падая в воду. Выныривали они уже покрытые слоем грязи.

Они, выходцы из знатных семей, привыкли в поединках разве что к брызгам крови, но никак не к такой унижительной грязи. Услышав, как на берегу женщины-практики восторженно приветствуют юношу, они впали в ярость. Некоторые, забыв о правилах, призвали своё магическое оружие и атаковали его.

Мэн Хэцзэ понимал, что его уровень совершенствования ниже, и не стал вступать в прямое столкновение. Он уклонялся, заставляя противников сталкиваться друг с другом. Но магическое оружие летело со всех сторон, и, оттолкнувшись от листа лотоса, он взмыл ввысь, пытаясь вырваться из окружения и запрыгнуть на крышу павильона в центре озера.

Практики, которые до этого прогуливали своих духовных зверей, писали картины, слагали стихи или обменивались пилюлями, невольно прекратили свои занятия. Их внимание было приковано к схватке, развернувшейся посреди озера.

Видя, как юноша ловко маневрирует, умудряясь в одиночку противостоять многим и слабостью одолевая силу, они не могли сдержать восхищённых возгласов:

— Кто это?

— С каких пор в школе Хуавэй есть такая невероятная техника лёгкого тела!

Когда юноша, оттолкнувшись от опоры, взлетел к карнизу павильона, один из конфуцианских учёных из академии «Зелёный Утёс» вскрикнул:

— Нехорошо! Старший брат Цзы Е сейчас ведёт в павильоне беседу о Дао!

— Старший брат на пороге прорыва, не дай бог ему помешать!

В беседке на воде девушки, поначалу восхищённо ахнувшие при виде изящной техники лёгкого тела юноши, собиравшего лотосы, теперь, осознав ситуацию, смущённо умолкли.

Фэн Цзыи пришла в себя и с холодной усмешкой обратилась к Чэнь Хунчжу:

— Если хотела выставить своего ученика из внешней школы, могла бы просто его прислать, не обязательно было устраивать такое представление. Что, хочешь показать, что в вашей школе Хуавэй любой ученик, появившись из ниоткуда, может нас всех одолеть?

Она решила, что Чэнь Хунчжу намеренно подстроила всё это, чтобы отомстить за её недавние насмешки над учениками внешней школы Хуавэй.

Чэнь Хунчжу, узнав Мэн Хэцзэ, и сама была удивлена. Её взгляд метнулся туда, откуда он появился, и, конечно же, на берегу она увидела Сун Цяньцзи, который стоял в одиночестве, заложив руки за спину, и смотрел на закат.

«Так это они были теми двумя учениками внешней школы, над которыми только что смеялись»

«Неужели Сун Цяньцзи не стерпел обиды и послал Мэн Хэцзэ отобрать лотос?»

Мэн Хэцзэ ещё не успел коснуться крыши павильона, как изнутри хлынула мощная сила, подобная надвигающейся железной стене. Но он уже набрал максимальную скорость, и стрела, выпущенная из лука, не могла повернуть вспять.

Он врезался в невидимую преграду, словно получив мощный удар. В глазах потемнело, в груди всё перевернулось, подступила тошнота. Он открыл глаза, но ничего не видел, открыл рот, но не мог вдохнуть.словно подбитый журавль, он потерял контроль над телом и камнем полетел вниз, где его уже ждали отблески магического оружия.

Сердце Мэн Хэцзэ ушло в пятки.

«Что это за техника, способная ранить на расстоянии? — пронеслось в его голове. — Я ещё не достиг такого уровня совершенствования, не овладел столь могущественными приёмами. Неужели сегодня мне суждено умереть или остаться калекой?»

Внезапно его окутала мягкая духовная энергия, неведомо откуда появившаяся, словно порыв весеннего ветра, и осторожно отнесла в сторону от павильона.

Мэн Хэцзэ почувствовал, как напряжение спало, сознание прояснилось. Он открыл глаза и, увидев того, кто его спас, несказанно обрадовался.

Какой там весенний ветер, его спас всего лишь рукав одежды.

— Старший брат Сун!

Сун Цяньцзи видел, как этот парень только что был на грани отчаяния, а теперь, увидев его, тут же воспрял духом, словно уже был в полной безопасности. Он и злился, и хотел рассмеяться.

«Какой ещё „старший брат“, так официально, так вежливо. Уж лучше бы „отцом“ назвал»

Мэн Хэцзэ мог бы и сам вырваться, но Сун Цяньцзи, услышав крики с берега о том, что «в павильоне кто-то есть», понял, что дело плохо, и тут же бросился на помощь.

Для всех остальных он словно возник из ниоткуда. Никто, как ни старался, не смог уследить за его движениями.

Сун Цяньцзи одним рукавом прикрывал Мэн Хэцзэ и лавировал между восемнадцатью видами магического оружия, приговаривая:

— Если кто-то пытается отобрать, просто брось и вернись. Зачем было в драку лезть?

Мэн Хэцзэ слышал укоризненные слова, но видел в его глазах улыбку, словно тот и не сердился вовсе. Он вспомнил, как Сун Цяньцзи, рискуя жизнью, спас его на дне ущелья, и сегодня, как и тогда, он не считал его обузой. Сердце Мэн Хэцзэ наполнилось безмолвной благодарностью.

Сун Цяньцзи, однако, приходилось нелегко. Эти люди были выходцами из знатных родов, и их магическое оружие было не из дешёвых. Одно неверное движение, и если он сам, возможно, и остался бы невредим, то Мэн Хэцзэ точно бы не выбрался целым.

К счастью, в прошлой жизни ему часто приходилось спасаться бегством, и он создал собственную технику: «использовать силу противника против него самого, нанося удар вторым».

Если врагов много и они атакуют одновременно, это неизбежно приводит к хаотичному смешению духовной энергии. Чем больше хаоса, тем больше у него возможностей. Сун Цяньцзи направлял яростную духовную энергию, словно продевая нить в иголку, так, что удар

одного противника приходился по другому. Этот метод требовал точного расчёта, предвидения и молниеносной реакции, чтобы, подобно рычагу, малой силой сдвинуть большую и в одиночку прорваться через окружение.

Сун Цяньцзи понимал, что его нынешний уровень совершенствования низок, а духовной энергии мало, поэтому действовал с предельной осторожностью. Однако он вскоре заметил, что его контроль над духовной энергией стал гораздо точнее. словно сама небесная и земная духовная энергия была живой, как растения в его дворе, и, чувствуя к нему расположение, позволяла собой управлять.

Было ли это действием Источника Бессмертия или результатом перемен в его сознании после перерождения? Сун Цяньцзи не знал.

Окружающие видели лишь, как он, неся на одной руке человека, другой взмахивал широким рукавом, и с каждым движением опасность исчезала. Они видели, как он, не касаясь воды, двигался с изяществом и лёгкостью, и не могли сдержать одобрительных возгласов.

Человек в павильоне не хотел причинять вреда. Его лишь подстегнула напористость Мэн Хэцзэ, и защитная аура сработала автоматически, отбросив его. Мгновение спустя, она полностью исчезла.

В павильоне посреди озера воцарился покой, и даже слышалось несколько поздравительных голосов.

Кто-то со смехом сказал:

— Даос Цзы Е, ваш уровень совершенствования снова вырос, нам остаётся только стыдиться. Когда планируете уйти в затвор для прорыва?

— Не спешу, — ответил юноша в чёрном.

Присутствующие в павильоне сидели, попивая чай, большинство с расслабленным видом. Он же, находясь среди них, держал спину прямо, его взгляд был сосредоточенным и холодным, словно он в любой момент был готов выхватить меч.

У него были глубоко посаженные глаза и неестественно бледная кожа. одного взгляда на него было достаточно, чтобы почувствовать озноб; казалось, он с детства жил в ледяной пещере.

Сейчас его взгляд метнулся к озеру, к фигуре, что, спасши человека, изящно удалялась:

— Кто это?

— Всего лишь двое учеников нашей школы. Они не хотели вам помешать, не сердитесь, даос, — вмешался Юань Цинши. — Младшие сёстры развлекаются, нам не стоит вмешиваться.

Цзы Е Вэньшу ничего не ответил и молча отвёл взгляд.

Юань Цинши ощутил приступ бессилия. Какой же жизнью жили ученики академии «Зелёный Утёс»? Общаться со статуей, лишённой эмоций, да ещё и подчиняться ей — должно быть, это очень тяжело.

В беседе на воде все смотрели на озеро со смешанными чувствами. Они завидовали школе Хуавэй, у которой были такие способные ученики, и в то же время злились на своих, оказавшихся такими нерасторопными.

Фэн Цзыи холодно усмехнулась:

— Одного мало, так выставили двоих, один другого лучше. Немало же вы постарались, старшая госпожа Чэнь!

В гневе она забыла, что сама первая предложила состязание в технике лёгкого тела. Если бы Чэнь Хунчжу спокойно всё объяснила, дальнейшего конфликта можно было бы избежать. Но Чэнь Хунчжу, гордая и вспыльчивая, ненавидела, когда её несправедливо обвиняли, и не любила объясняться с посторонними.

— Это не я! — раздражённо бросила она. — Это ты их оскорбила, вот он и решил заступиться. Не веришь — иди сама спроси!

Фэн Цзыи внезапно поднялась:

— Хорошо, я спрошу.

Пурпурный шёлк вылетел из её рукава, словно радуга в небе, сопровождаемая звонким смехом девушки:

— Эй, вы двое, раз уж пришли, почему бы не зайти на огонёк!

— Ты что творишь!

Чэнь Хунчжу не ожидала, что та осмелится напасть на территории школы Хуавэй. Алый длинный хлыст, подобно огненному дракону, устремился в погоню.

Сун Цяньцзи увидел летящую к нему пурпурную ленту, сияющую и переливающуюся. Он узнал

это магическое оружие и хотел уклониться, но вспомнил, что нынешняя Фэн Цзыи — не могущественный практик стадии Зародыша души, а всего лишь юная девушка, ещё не достигшая стадии Золотого ядра.

Он, всё так же неся Мэн Хэцзэ, запрыгнул на пурпурную ленту и, несколько раз оттолкнувшись от неё, как от моста, перелетел через озеро к берегу.

Чэнь Хунчжу, боясь ранить своих, резко отозвала хлыст. Фэн Цзыи, собиравшаяся связать их, увидела, что по её драгоценному оружию ходят ногами, и, изменившись в лице, тоже поспешно убрала Пурпурный шёлк.

Двое юношей уже твёрдо стояли в беседке.

Более десяти человек, разгорячённые битвой и покрытые грязью, бросились в погоню. Оказавшись в тесной беседке, где было не развернуться, и увидев множество прекрасных девушек-практиков, они, словно облитые ледяной водой, вспомнили о договорённости не использовать магическое оружие.

Все они убрали оружие, но, не в силах скрыть досаду, стояли с позеленевшими лицами.

Фэн Цзыи оглядела двоих. Тот, что появился первым, выглядел героически, но сейчас его лицо было искажено гневом, он походил на разъярённого зверя. Второй же, высокий и красивый, был спокоен и держался с невозмутимым достоинством.

«Кто знает, — подумала она, — может, они не ученики внешней школы, а личные ученики кого-то из старейшин, просто переодетые»

— Старшая госпожа Чэнь, не представите ли нам этих двоих? Как их зовут?

Чэнь Хунчжу огляделась и слегка нахмурилась.

Шестеро Мудрецов с Зелёного Утёса были выходцами из знатных семей, и здесь было немало их родственников. Если она назовёт имя Сун Цяньцзи, то сегодня дело миром не кончится.

— Всего лишь пара учеников внешней школы, — холодно бросила она. — Какая разница, как их зовут, кто их вообще помнит!

— И то верно, — усмехнулась Фэн Цзыи. — Ученики вроде них в моей школе Даянь разве что навоз за духовными зверями убирают!

Её соратники по школе разразились хохотом, но она тут же обернулась и накричала на них:

— Смейтесь? Да вы и на это не годитесь!

Сун Цяньцзи тоже улыбался.

«Такие вот „знатные отпрыски“, как вы, при встрече с Вэй Чжэньюем, который возвысится позже, будете лишь пыль глотать. Этот закон мироздания посильнее всяких небесных Дао, жаль только, что вы этого не понимаете»

— Как бы ни были ученики моей школы Хуавэй, это наше внутреннее дело, и посторонним нечего в него вмешиваться! — предостерегла Чэнь Хунчжу.

— Разумеется, я не смею лезть не в своё дело, — улыбнулась Фэн Цзыи. — Но мы ведь заключили пари, нехорошо бросать всё на полпути. — Она указала на стол, уставленный сокровищами. — Если все сейчас просто заберут свои вещи и разойдутся, будет слишком скучно.

— В чём проблема? — ответила Чэнь Хунчжу. — Мы, школа Хуавэй, — хозяйева, и мы позаботимся, чтобы все остались довольны. Можем провести ещё одно состязание. Что будем делать — решайте вы!

Ученики школы Хуавэй, стоявшие за её спиной, дружно её поддержали. Хоть их чувства к Сун Цяньцзи и Мэн Хэцзэ были смешанными, но школа Хуавэй только что показала себя во всей красе, произведя впечатление на другие школы, и они чувствовали прилив гордости.

— Видишь, — сказал Сун Цяньцзи, успокаивая Мэн Хэцзэ, — они тут соревнуются, никто не хотел тебя обидеть. Не сердись, пойдём.

— Стойте! — прервала их Фэн Цзыи. — Договорились состязаться в технике лёгкого тела, значит, так и будет. На этот раз — со мной.

— Ты сама будешь участвовать? — спросила Чэнь Хунчжу.

— Нет, я буду сидеть здесь, не двигаясь, — Фэн Цзыи посмотрела на Сун Цяньцзи и Мэн Хэцзэ. — Выберите одного из вас. Если он сможет обойти моих соратников и за три вдоха подойти ко мне, то все вещи на этом столе — ваши. Жизнь ученика внешней школы нелегка, с таким количеством сокровищ для защиты в будущих поединках вам будет намного проще.

Мэн Хэцзэ посмотрел на стол, уставленный магическими артефактами, и в его глазах промелькнул живой интерес. Его чётки из красного духовного нефрита пока нельзя было показывать, а если бы не превосходство противников в оружии, он бы точно выбрался из той заварушки целым и невредимым, и его не загноили бы на крышу павильона.

Но старший брат Сун молчал, и он, нахмурившись, тоже не проронил ни слова.

— Чего вы боитесь? — снова усмехнулась Фэн Цзыи. — Только что на озере вы смело дрались. На этот раз никто не будет использовать магическое оружие. Это ведь не будет считаться издевательством, верно?

Все удивлённо переглянулись. Фэн Цзыи сидела в беседке, а они стояли у входа, на расстоянии не более двадцати чжанов. С их техникой лёгкого тела это было слишком просто. Неужели она собиралась просто так отдать им сокровища?

Кто-то хотел возразить, но его остановил соратник, шепнув на ухо:

«Тут есть подвох, это ловушка!»

Сун Цяньцзи же подумал:

«Ты больная? Зачем мне куча магического оружия? Это же не вагон семян»

Внезапно его взгляд застыл, и он улыбнулся:

— А если я захочу что-то из того, что на тебе?

Фэн Цзыи на миг растерялась, посмотрела на свой сияющий Пурпурный шёлк, затем хлопнула ею по столу и гордо заявила:

— Если сможешь, бери что хочешь!

Она тайно приказала своим соратникам встать перед ней в боевой порядок.

«Я сказала, что ты должен обойти их, но не говорила, что они не будут тебя атаковать. Как только ты двинешься, тебя хорошенько поколотят. Ты сам согласился, так что пеняй на себя. Главное — не переусердствовать, и тогда Чэнь Хунчжу со своей школой Хуавэй не смогут меня упрекнуть»

— Хорошо, — кивнул Сун Цяньцзи.

Чэнь Хунчжу передала ему мысленное сообщение:

— Осторожно, здесь...

Не успела она договорить слово «ловушка», как Сун Цяньцзи уже двинулся с места.

Он шёл вперёд, поначалу не слишком быстро.

Почти одновременно из беседки выскочило более десяти человек.

Они и вправду не использовали магическое оружие. Кто-то сжал кулаки, кто-то выставил ладони. Их атаки были быстрыми, но скоординированными, их строй — плотным и непроницаемым. Это была техника школы Даянь, используемая для укрощения свирепых духовных зверей.

— Старший брат Сун! — вскрикнул Мэн Хэцзэ, готовый броситься вперёд.

Сун Цяньцзи обернулся, и его строгий взгляд безмолвно остановил юношу.

Сун Цяньцзи, взмахнув рукавами, двигался сквозь строй, словно прогуливаясь в саду среди цветов.

Но кулаки сталкивались с ладонями, старшие братья налетали на младших. Раздавались крики, и люди падали, как подкошенные.

— Что за дьявольская техника?

Ученики школы Даянь были в ужасе.

А Сун Цяньцзи продолжал идти вперёд.

Он не просто шёл уверенной поступью, в его движениях чувствовалась несокрушимая мощь.

Ученики школы Даянь, видя его приближение, поняли, что дело плохо, и поспешно отступили, пытаясь защитить Фэн Цзы.

Внезапно Сун Цяньцзи ускорился, превратившись в расплывчатый силуэт.

Если Мэн Хэцзэ двигался быстро, как порыв ветра, то он был подобен лёгкому дыму, рассеивающемуся на ветру.

Фэн Цзы почувствовала, как перед ней промелькнула тень, и вот он уже был совсем близко.

Она вскрикнула и инстинктивно взмахнула своей пурпурной лентой для защиты. Подняв глаза, она встретилась с его взглядом и почему-то замерла, словно перед ней был её отец или учитель, могущественный практик, чья аура подавляла волю. Она не смела и не могла увернуться.

Она лишь смотрела, как он высоко заносит руку, чтобы нанести ей сокрушительную пощёчину.

«Он осмелится?!»

Все в беседке затаили дыхание. Чэнь Хунчжу метнула свой хлыст, чтобы остановить его, но было уже поздно.

Фэн Цзыи, ошеломлённая и разгневанная, почувствовала, как перед глазами всё плывёт.

«Сегодня, на глазах у всех, пережить такое унижение... даже если она потом отрубит ему руку или подвергнет тысяче мук, что это изменит?»

Она зажмурилась, и по щекам невольно покатались слёзы.

Некоторые девушки не смогли на это смотреть и тоже закрыли глаза.

Среди криков ужаса, гневных возгласов и воплей боли рука Сун Цяньцзи опустилась!

Очень легко.

Фэн Цзыи открыла глаза и, поняв, что осталась невредима, ошеломлённо коснулась своего лица.

Он уже отступил.

Единственным их контактом был лёгкий взмах его рукава, коснувшийся её щеки и оставивший едва уловимый аромат цветущей глицинии.

— Что это за сорт? Как его выращивать, чтобы он так пышно цвёл?

В пальцах Сун Цяньцзи оказался цветок из яшмы Цюн. Он разглядывал его в свете магических сокровищ, лежавших на столе.

Цветок был белоснежным и прозрачным, каждый лепесток словно вырезан из снега. Хоть это и не было духовное растение, в нём чувствовалась какая-то особая одухотворённость, которая не могла не вызывать восхищения.

Все пришли в себя и тут же окружили Фэн Цзыи.

Они были так напуганы, что в ушах звенело, и они не расслышали, что он сказал. Они видели

лишь, как он стоит с цветком в руке и улыбается.

Слёзы на лице Фэн Цзыи ещё не высохли. Она тяжело дышала, её щёки пылали от стыда и гнева.

Она была знатного рода, но, в отличие от Чэнь Хунчжу, чья дурная слава была всем известна, её репутацию тщательно оберегали семья и школа. Чэнь Хунчжу была одиночкой, а Фэн Цзыи всегда окружала свита. За малейшее неповиновение она ругала и наказывала своих слуг. Никто из её братьев по школе не смел и пальцем её тронуть. А сегодня какой-то юный ученик внешней школы сорвал цветок с её заколки.

— Наглец! — выкрикнула Фэн Цзыи.

— Мы ведь договорились. Я хотел именно это, — улыбнулся Сун Цяньцзи.

Поднялся ропот.

Этот парень что, сумасшедший?

Неужели в мире есть люди, которые откажутся от целой горы сокровищ ради одного цветка?

— Ты обещал, значит, это твоё, — сказала Чэнь Хунчжу, обращаясь к Сун Цяньцзи.

Она боялась, что Фэн Цзыи в ярости нападёт на него, и нарочно добавила:

— Фея Фэн — дочь главы семьи Фэн из уезда Ланьшань и великого старейшины школы Даянь, её мать — защитница школы Божественной Мелодии. Такая личность держит своё слово и никогда не откажется от него. Вы двое, берите цветок и уходите.

— Подожди, — крикнула Фэн Цзыи, но больше не смогла вымолвить ни слова.

***

Озеро Яогуан, словно зеркало из глазури, было вставлено в оправу гор. Когда сгустились сумерки, его поверхность засияла золотом, отчего окружающие горы показались ещё темнее.

На склоне горы, на полпути к вершине, в беседке зажглись огни.

На каменном столе в беседке стояло около сотни коробочек с красками всех цветов радуги. На подставке для кистей висело более двадцати кистей разной толщины и из разных материалов.

Кто-то рисовал. Чжао Цзихэн стоял, а тот, кто рисовал, сидел.

Художнику было около двадцати лет. Он был одет в мягкий белый парчовый халат, безупречно чистый. Его тёмные волосы не были собраны и рассыпались по белому халату, словно брызги туши.

Обычно Чжао Цзихэн, каким бы высокомерным он ни был, при виде этого человека почтительно называл его «двоюродный брат».

С приближением Изыщного Собрания «Достичь известности» в школу Хуавэй съехалось множество молодых практиков из рода Чжао. Чжао Цзихэн был на седьмом небе от счастья и даже стал реже посещать злачные места у подножия горы.

Он смотрел на берег озера внизу, где смутно виднелась группа людей, тоже державших в руках кисти и что-то рисовавших в воздухе, кажется, даже восхваляя друг друга.

— Если бы двоюродный брат Му взялся за дело, он бы их всех затмил, — с досадой сказал он.

Рисующий юноша ответил:

— Я уже взялся.

— Но... вы ведь рисуете людей, — недоумевал Чжао Цзихэн. — Вы уже почти всех девушек-практиков из беседки нарисовали! Они, конечно, красивы, и в обычное время можно было бы их порисовать. Но скоро придёт Мудрец каллиграфии, сейчас такой важный момент...

Какая на это может быть праздная минута? Он не договорил, не смея перечить Чжао Му. Но в последние дни тот усердно практиковался в рисовании портретов и не написал ни одного талисмана, что было очень странно.

— А зачем те люди рисуют талисманы? — спросил Чжао Му.

— Конечно, чтобы произвести впечатление на Мудреца каллиграфии. Мы все находимся под его наблюдением, он наверняка знает о наших действиях.

— Верно. С тех пор как мы ступили на землю школы Хуавэй, экзамен уже начался, — Чжао Му сменил кисть на более тонкую. — Как ты думаешь, какого ученика хочет найти Мудрец каллиграфии?

— Образованного и вежливого, хорошо разбирающегося в живописи и каллиграфии, искусного в создании талисманов. Такого же, как он сам, — без раздумий ответил Чжао Цзихэн.

Чжао Му покачал головой:

— Дай мне закончить, и я тебе расскажу.

Вежливый конфуцианец, прилежный и начитанный, прочитавший десять тысяч книг; пишущий прекрасным почерком, от которого замирает дух; говорящий строго и по делу, постоянно цитирующий мудрецов прошлого.

Многие отпрыски знатных семей, едва проявив талант к искусству талисманов, с детства воспитывались в соответствии с этими требованиями в надежде заслужить благосклонность Мудреца каллиграфии и получить хороший шанс.

Чжао Цзихэн не отличался терпением и ждал, изнывая от любопытства. Он перестал следить за тем, что происходит на берегу озера, и сосредоточился на картине Чжао Му, время от времени помогая ему подавать кисти и краски.

Каждый раз, когда двоюродный брат заканчивал рисунок, он с помощью духовной энергии высушивал чернила и осторожно сворачивал свиток.

Чжао Му в душе презирал Чжао Цзихэна и обычно не снисходил до объяснений, но, видя его услужливость и расторопность, и подумав, что всё равно нечем заняться, решил просветить его:

— Те люди, приехав в школу Хуавэй, каждый день на публике пишут и рисуют, декламируют стихи, изо всех сил стараясь показать свою учёность и мастерство. Но кто такой Мудрец каллиграфии? Сколько таких он уже видел? Если бы он хотел найти такого ученика, он бы уже набрал их десять полных повозок, которые выстроились бы в очередь от школы Хуавэй до самого Древа, что подпирает Небеса... Если мы хотим выделиться, нужно быть другими.

— Брат прав, — обрадовался Чжао Цзихэн и с ещё большим любопытством спросил: — Но как именно — другими?

— Никто не рождается Мудрецом каллиграфии, — неспешно ответил Чжао Му. — Он тоже когда-то был молодым и полным энтузиазма гением, а не книжным червём. Учитель, выбирая ученика, хочет видеть в нём себя в молодости.

Чжао Цзихэн замер:

— Но кто знает, каким был Мудрец каллиграфии в молодости?

При этих словах Чжао Му не мог сдержать самодовольной улыбки:

— А вот тут всё зависит от того, у кого больше способностей и кто лучше информирован! Мудрец каллиграфии в молодости путешествовал по четырём континентам, и его прозвали Доцин-цзы, что значит «Любвеобильный». А всё потому, что он написал на лодке с куртизанками две строки: «Когда-то пьяным я хлестал ретивых скакунов, боюсь, своей любовью обману красавиц». Ты ведь этого не знал?

Чжао Цзихэн с изумлением замотал головой.

— И прославился он сначала не пейзажами, а портретами красавиц. Благодаря этому своему таланту он мог любую, даже самую строптивую и гордую девушку, превратить в нежную и покорную. Ты и этого не знал, верно?

Чжао Цзихэн замотал головой ещё сильнее.

Подобные пикантные истории, даже если они были правдой, академия, оберегая репутацию Мудреца каллиграфии как наставника, никогда бы не стала афишировать, а наоборот, постаралась бы скрыть.

— Брат, ты гений! — Теперь Чжао Цзихэн смотрел на растрёпанные волосы и небрежно надетые туфли двоюродного брата не как на признак неряшливости, а как на проявление вольного духа настоящего художника.

— Хорошо я рисую? — спросил Чжао Му.

На этот раз Чжао Цзихэн отчаянно закивал:

— Поразительно, просто восхитительно! Ваше мастерство и так было велико, а за эти дни вы так натренировались в портретах...

— Ладно, убери эти картины, — улыбнулся Чжао Му, откладывая кисть с особым удовлетворением. — Последний штрих — и вышло божественно.

На картине в глазах красавицы в фиолетовом блестела крошечная искорка, делая её необычайно живой и прекрасной.

Он отложил кисть и встал. Чжао Цзихэн тут же подскочил, духовной энергией высушил краски на бумаге и принялся разминать ему запястье:

— Брат, ты так усердно трудился.

Чжао Му посмотрел на темнеющие горы и улыбнулся:

— «Луна взошла на верхушки ив, свидание назначено после заката». Портреты красавиц — для красавиц. Нам пора.

Они спустились с горы и прошли через ивовую рощу у озера.

Почему-то все на берегу смотрели в сторону беседки на воде.

Небо уже потемнело, и только беседка, ярко освещённая, сияла в окутанной ароматом лотосов вечерней прохладе, словно жемчужина.

Чжао Му с важным видом вошёл внутрь, Чжао Цзихэн, сжимая в руках драгоценные свитки, следовал за ним.

Чжао Му выпрямился, чувствуя себя неотразимым, и, покрутив в руках складной веер, с щелчком раскрыл его и улыбнулся:

— Приветствую всех фей, простите за беспокойство.

Ответа не последовало.

Фэн Цзыи, потерянная, смотрела куда-то в одну точку.

Чэнь Хунчжу с тревогой на лице смотрела туда же.

В беседке царил тишина, никто даже не повернул головы в его сторону.

Все смотрели на другого человека.

Несмотря на то что тот уже повернулся и собирался уходить.

Чжао Цзихэн узнал эту спину и вскрикнул:

— Ты как здесь оказался! Сун Цяньци!

При этом имени все замерли.

Так это и был Сун Цяньци?

<http://bllate.org/book/16982/1587214>